

УДК 94(47)

ОСОБЕННОСТИ ВОЛОСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СУДА У СИБИРСКИХ ТАТАР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Г.Т. Бакиева, кандидат исторических наук

Вторая половина XIX – начало XX в. характеризуется проведением административных реформ, направленных на унификацию системы управления всем сельским населением Сибири. Первые шаги на этом пути были сделаны во время реформы М.М. Сперанского 1822 г., в результате которой сибирские татары были отнесены к «оседлым инородцам» и приравнялись к русским крестьянам. Оседлые инородцы должны были иметь то же управление, что и крестьяне: сельское и волостное со своими сходами, правлениями и судами. Однако в этот период унификации управления у сибирских татар не произошло, оно продолжало сохранять традиционные черты¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. система самоуправления у сибирских татар, как и у русских крестьян, должна была соответствовать требованиям «Общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г.». Однако реализация закона у татар Тобольской губернии стала возможна только после принятия «Положения о сельском состоянии», изданного в 1879 г., и циркулярного распоряжения Тобольского губернского правления от 30 апреля 1890 г.

В данной статье по материалам государственного архива в г. Тобольске (ГУТО ГАТ) рассматривается система волостного управления у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в., деятельность волостных схода, суда, правления, а также права и обя-

занности должностных лиц волостного самоуправления.

Волостной сход. Во второй половине XIX – начале XX в. волостные сходы сохранили за собой распорядительную функцию. Однако в этот период в их деятельности произошли некоторые изменения. Если в XVIII – начале XIX в. решения на сходе принимались по древнему обычаю «с общего согласия», то позже власти отказались от этого правила. Со второй половины XIX в., по новым законам, решение принималось лишь должностными лицами волостного и сельского управления и представителями от каждого 10 дворов селений, входивших в волость («выборщики», «десятидворные»)². Например, в 1913 г. Вагайский волостной сход включал в себя волостного старшину, 2 заседателей, 4 судей, 4 сельских старост, 89 «выборщиков», итого 100 человек. Истяцкий волостной сход состоял из старшины, 3 заседателей, 4 судей, 5 сельских старост, 48 выборных, всего из 61 человека. В Карагайском волостном сходе были: старшина, 3 заседателя, 4 судьи, 6 сельских старост и 97 десятидворных. Тукузский волостной сход состоял из старшины, 2 заседателей, 4 сельских старост, 4 судей, 67 выборных³.

Десятидворные выборные избирались сельскими обществами из числа домохозяев на один год. Они должны были принимать участие во всех волостных сходах, проводившихся в текущем году. Возрастной ценз десятидворных не был строго установлен по

закону, по архивным материалам можно видеть, что средний возраст выборных равнялся 30–40 годам. Например, список выборных Надцинской волости в 1914 г. выглядел следующим образом: юрты Карбинские – Назыр Мамкин, 35 лет, Аптул Маметов, 27 лет, Карим Юсуфов, 35 лет, Хаммат Ильясов, 27 лет, Санатулла Ниязов, 31 год; юрты Надцинские – Сафарали Калмаметов, 35 лет, Аптул-Гали Колыбаев, 30 лет; юрты Аремзянские – Башир Аширов, 27 лет, Курманбак Хамидуллин, 35 лет, Айтмухамет Утяшев, 26 лет, Суочбак Айтмухаметов, 30 лет, Маркемал Айтмухаметов, 35 лет, Колыбай Сеитов, 40 лет⁴.

Сход считался открытым, если на нем присутствовало не менее 2/3 крестьян, имеющих право голоса. Если оказывалось меньше, то сход считался не состоявшимся. При этом власти установили ответственность должностных лиц и выборных десятидворных за неявку на сход без уважительной причины. Волостной старшина передавал сведения о них на рассмотрение волостного суда⁵.

Решение волостного схода принималось простым большинством голосов его членов. При этом, если голоса на сходе делились поровну, то большинство считалось на той стороне, с которой соглашался волостной старшина. Лишь небольшой круг вопросов решался 2/3 голосов членов схода: об установлении добровольных мирских повинностей, расходовании мирских капиталов и об удалении порочных крестьян из общества⁶.

Здесь мы видим, что произошло резкое ограничение представительства волостного схода, что было недопустимо еще в начале XIX в. Как справедливо заметила Н.А. Миненко, «положение о принятии на нем (сходе. – Г.Б.) решений простым большинством и с предоставлением особого веса голосу старшины – все это подрывало авторитет распорядительного органа общины. По общинной демократии наносился удар огромной силы»⁷.

Решение волостного схода записывалось в приговоре. Во вводную часть приговора требовалось включать данные о составе волостного схода – число всех членов схода и присутствовавших⁸. В конце XIX в. в приговоре требовалось указывать, что сход собран «согласно распоряжению крестьянского начальника».

Председательствовал и отвечал за порядок на волостном сходе волостной старшина. В том случае, когда происходил учет (проверка) волостного старшины, возглавлять сход предоставлялось одному из сельских старост.

К компетенции волостного схода относились вопросы, касавшиеся дел волости. Одним из главных вопросов, который решался на волостном сходе, было утверждение расходов на волостные нужды. Волостной старшина вместе с членами волостного правления составлял смету волостных потребностей и представлял ее на утверждение волостного схода. Затем на волостном сходе производили раскладку сумм, необходимых для волостных потребностей, между сельскими обществами по числу душ домохозяев⁹. Кроме того, из волостных сумм выдавались деньги на расходы поверенным общины в случаях необходимости ходатайств перед вышестоящими органами.

Следующий круг вопросов, относившийся к ведению волостного схода, касался учета должностных лиц общины и утверждения годового отчета волостного старшины. Для проверки и учета волостных сумм на сходе ежегодно избирались учетчики не менее трех человек из грамотных общинников. При этом учетчиками не могли быть сельские старосты. Учетчики были обязаны осуществлять проверку денежных книг и сумм волостного правления один раз в три месяца. «Инструкция сельским и волостным обществам и должностным лицам» подробно регламентировала их действия: «первоначально проверяется кассовая книга, просматриваются подлинные квитанции и расписки

в израсходовании денег, приходные статьи удостоверяются подлинными бумагами, при которых деньги поступили, расчетными книжками сборщиков податей и сельских старост. Затем определяется остаток по кассовой книге, который должен быть налично. Определив по книгам остаток сумм... учетчики вскрывают денежный сундук и пересчитывают все находящиеся в оном суммы и документы. В случае обнаружения... злоупотреблений, учетчики обязаны немедленно составить акт и предъявить его, чрез волостного старшину волостному сходу, а копию с этого акта до созыва схода представить в уездное по крестьянским делам присутствие». В течение января волостной сход производил учет всех сумм, находящихся в распоряжении волостного старшины, проверял и утверждал годовой отчет волостного старшины¹⁰.

На волостном сходе принимались решения об отдаче в аренду общинных угодий. Например, в феврале 1905 г. татары Уватской волости на сходе приняли решение и составили приговор об отдаче в аренду речки Аристовки за 265 рублей татарину юрт Уватских Ибуку Калиеву «которые и зачислили в мирские сборы за 1905 г.». Далее шли 92 подписи, печать волостного головы Маметуллиной и кандидата головы Амирханова¹¹.

Волостные сходы могли собираться в любое время, по необходимости. По закону существовали и специальные сроки для них: в январе для учета волостных сумм за истекший год, в декабре для определения волостных сборов на следующий год и для раскладки этих сборов между обществами¹².

О количестве волостных сходов, проводившихся за год, косвенно свидетельствует число волостных приговоров схода той или иной волости. Так, в 1909 г. Бухарский волостной сход вынес всего 15 приговоров, Карагайский – 13, Истяцкий – 5, Тукузский – 20, волостной сход Оброчных Чувальщиков – 6¹³. В 1912 г. в Истяцкой волости было вынесено 11 приговоров волост-

ного схода, в Вагайской волости – 5, в Тукузской – 7, в Карагайской – 8. А, к примеру, Истяцким волостным судом за тот же год было решено 28 гражданских и 28 уголовных дел, в Вагайском волостном суде – 61 и 20, в Тукузском – 38 и 9, в Карагайском – 119 и 41 дело соответственно¹⁴. Как показывают цифры, волостные сходы проводились не так часто. Одной из причин уменьшения количества дел, выносимых на рассмотрение схода, являлось то, что из его ведения были изъяты судебные разбирательства, которые ранее относились к его компетенции, и переданы в ведение волостного суда.

В волостях сибирских татар, так же, как у русских крестьян, во второй половине XIX – начале XX в. существовал специальный судебный орган – **волостной суд**. Волостной суд по закону должен был состоять из 4-х, максимум 12-ти судей. Иногда обязанность председателя суда возлагалась на волостного старшину. Определение числа и установление между ними очереди предоставлялись волостному сходу. В Бухарской волости Тобольского уезда функции волостного суда выполняла волостная расправа. В нее входили не специально выбранные судьи, а волостной голова, два «кандидата головы» и писарь¹⁵.

Сход по своему усмотрению мог назначать жалование судьям за время исправления ими должности. В волостном суде обеспечивалось представительство от большинства селений волости. Так, в Вагайском волостном суде в 1917 г. судьями были назначены Сайдмухамет Карымов из юрт Усть-Тамакских, Хизаметдин Аминев из юрт Шамшинских, Сарачетдин Хайруллин – из юрт Кобякских и Салик Муслимов – из юрт Бегишевских¹⁶. В Карагайской волости за 1917 г. в волостной суд были назначены – Хабибулла Аликеев из юрт Карагайских, Абуталип Измаилов – из юрт Лешаковских, Камалетдин Аптулвагитов – из юрт Тебендинских, Мухаметкали Курманалиев – из юрт Салинских¹⁷.

Волостной суд, по существующему положению, должен был собираться не менее двух раз в месяц, по воскресеньям и праздничным дням, в случае необходимости и в другие дни¹⁸. Однако, как показывают архивные материалы, эти суды собирались гораздо реже установленных законом сроков. Например, в ходе ревизии некоторых татарских волостных правлений в феврале 1913 г. члены Губернского управления по крестьянским делам установили, что Карагайский волостной суд для разбирательства дел в 1912 г. собирался всего три раза: с 29 марта по 2 апреля, с 24 по 26 сентября и с 10 декабря по 14 декабря. Ежедневно рассматривалось в среднем по 9 дел. Всего решений волостного суда было 96. Комиссия пришла к выводу, что суд рассматривал и исполнял дела очень медленно. В связи с этим комиссия рекомендовала проводить заседания суда чаще, «во всяком случае, не менее раза в месяц»¹⁹. По замечанию комиссии, также обстояло дело в Истяцком волостном суде²⁰.

Специального помещения волостной суд не имел, а собирался в правлении. Если необходимо было участие большого числа свидетелей, или в случае осмотра имущества, например, подлежащего разделу, суд назначался на месте.

Делопроизводство волостного суда, а также хранение в порядке дел и книг возлагались на волостного писаря под наблюдением председателя суда. Волостной суд имел особую печать.

В ведении волостного суда находились споры и тяжбы между общинниками в сумме до 100 рублей. Он рассматривал иски по делам, касающимся движимого и недвижимого имущества, по различным сделкам и договорам, заключаемым между общинниками, разрешение споров о порядке наследования, семейные разделы. В числе дел, относящихся к ведению волостного суда, были ссоры и драки между крестьянами, беспорядки во время волостного схода; кражи, присвоение

находки не свыше 30 рублей; дела об оскорблении словами и действиями между самими общинниками. Кроме того, в его ведении находилось утверждение приговоров сельского схода об удалении из общества кого-либо из его членов²¹. Таким образом, волостной суд рассматривал не только гражданские, но и уголовные дела небольшой тяжести.

Отметим, что судебные разбирательства у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. органами местного самоуправления, в том числе волостными судами, решались на основе общих положений законодательства Российской империи. Часть дел, связанных с семейно-брачными, наследственными вопросами, власти оставили решать сибирским татарам на основе норм шариата. Однако устанавливались случаи, при которых рассмотрение и этих дел могло решаться на основе общих законов²².

Волостные судьи могли назначать следующие виды наказаний: общественные работы до 6 дней, штрафы до 3 рублей, арест до 7 дней, телесные наказания до 20 ударов розгами. По закону был установлен запрет подвергать телесному наказанию некоторых лиц. По закону телесному наказанию не подвергались: бывшие волостные головы, имеющие серебряную медаль за беспорочную службу в течение 9 лет; волостные писари, прослужившие беспорочно в должности 12 лет и удостоенные серебряной медали; все духовные лица нехристианского вероисповедания и их дети; женщины, престарелые, достигшие 60 лет²³. Эти лица могли подвергаться лишь штрафу в размере до 3 рублей. Следует отметить, что наказание розгами считалось тяжким наказанием, и применялось только в исключительных случаях. Денежные штрафы, установленные волостными судами, должны были обращаться в пользу мирских сумм той волости, где производился суд. Если приговоренный волостным судом за проступок к денежному взыс-

канию оказывался несостоятельным к его уплате, то оно заменялось арестом или отдачей в общественные работы с зачетом двухрублевого денежного взыскания за каждый день ареста или общественных работ²⁴.

Существовал срок давности, по истечении которого виновные освобождались от наказаний. Виновные в совершении кражи, мошенничества и присвоении чужого имущества освобождались от наказания, если в течение двух лет они не были изобличены или когда, в течение тех же сроков, не было никакого по этим делам производства. По другим проступкам срок давности был установлен в шесть месяцев со времени их совершения²⁵.

Волостной суд при рассмотрении дел использовал различные доказательства: собственное признание подозреваемого, письменные доводы, личный осмотр следов преступления и вещей, показания сведущих людей и свидетелей, повальный обыск, присяга. Собственное признание ответчика в ходе судебного разбирательства являлось бесспорным доказательством преступления. Признание ответчика вне суда признавалось доказательством в зависимости от обстоятельств²⁶.

Одними из доказательств в волостном суде признавались показания свидетелей. В случае их неявки в суд дело откладывали до следующего заседания, если признавали, что показания свидетелей являлись существенными для разрешения дела. Кроме того, неявившихся свидетелей могли подвергнуть взысканию. При наличии уважительных причин, из-за дальности расстояния волостного суда, они могли допрашиваться на месте волостным старшиной. Затем их письменные показания отправлялись в волостной суд. По закону запрещалось привлекать в свидетели лиц, не достигших 15 лет, безумных и сумасшедших, глухонемых, убийц, разбойников и воров, явных прелюбодеев, и вообще всех лиц, лишенных чести и всех прав состояния. В свидетели не допускались так-

же: лица, имевшие отношение к делу; находящиеся с тяжущимися в родстве и ближнем свойстве, имевшие вражду с этими лицами; дети против родителей; жена тяжущегося; лица, подкупленные к свидетельству. Люди, находящиеся у тяжущегося в услужении и получающие от него пропитание, могли допрашиваться только по недостатку других свидетелей. Больные, а также знатные и лица женского пола дворянского происхождения допрашивались на дому. Если нужно было допросить большое число свидетелей из одного или нескольких селений, то допускалось допрашивать их по месту жительства, чтобы не отвлекать их от занятий²⁷.

Показания свидетелей отбирались согласно определенным правилам. До проведения допроса свидетеля должна была состояться очная ставка с лицом, против которого он свидетельствовал. На очной ставке ответчик мог дать отвод свидетелю. Затем свидетеля приводили к присяге. По закону свидетели должны были присягать по своей вере. Сибирские татары, являвшиеся мусульманами, приводились к присяге по особой форме, изданной 25 апреля 1850 г. Согласно этим правилам, они сначала должны были совершить омовение (согласно мусульманским обычаям). Затем в присутствии муллы, «держа с почтением правую руку на Коране, произносить со вниманием и благоговением слова присяги, устремив взор во все это время на священную книгу». Если лицо, приводимое к присяге, не умело читать, то мулла должен был прочитать и объяснить ее содержание, «произнести внятно и медленно присягу, а свидетель должен повторить за муллой слово в слово вслух и внятно. Коран в знак благоговения должен быть положен на чистую шелковую материю. До приведения к присяге свидетеля, мулла обязан вразумить его, что присягу нужно принимать не только языком, но и сердцем, что она есть дело важнейшее пред Всевышним и что закон повелевает

данную присягу соблюдать свято и нарушимо, а клятвopеступник навлекает на себя страшный гнев Божий»²⁸.

После принятия иска суд, не позднее семидневного срока, делал распоряжение о вызове ответчика путем составления повестки.

Анализ материалов дел по деятельности волостных судов свидетельствует о том, что сибирские татары довольно часто обращались к волостным судьям по различным делам. Об этом свидетельствует количество дел, рассматриваемых этими судами. Так, в 1912 г. в Истяцкий волостной суд поступило 27 гражданских и 19 уголовных дел, в Вагайский суд – 50 и 12 дел, в Тукузский суд 46 и 14 дел, в Карагайский – 115 и 41 дело соответственно²⁹.

По окончании разбирательства дела в волостном суде, если не произошло примирения сторон, суд выносил решение, записывая его в специальную книгу, и объявлял его сторонам на этом же заседании. В решении суда отмечались год, месяц и число вынесения решения, имена и фамилии судей, звания, имена и фамилии истца и ответчика или обвиняемых и потерпевших, а также свидетелей. Далее излагались краткие обстоятельства дела и суть решения. Сторонам выдавались копии решения. Решение волостного суда вступало в законную силу и подлежало исполнению в случаях, если оно не было обжаловано в месячный срок, и не была подана просьба общим судебным органам об отмене решения волостного суда³⁰. Если между сторонами происходило примирение, то в книге решений записывалась мировая сделка.

Как показывают архивные материалы, довольно большое количество дел, рассматриваемых волостными судами, заканчивалось примирением сторон. Некоторые из них заканчивались до суда. Например, в ходе ревизии Карагайского волостного правления в декабре 1911 г. было установлено, что до суда было прекращено 150 дел³¹. Примирением сторон в ходе судебного

разбирательства закончились в 1912 г.: 12 дел из поступивших в Истяцкий волостной суд 27 гражданских и 19 уголовных дел, 15 дел в Вагайском суде из 62 дел, 12 из 62 дел в Тукузском и 64 дела в Карагайском суде³².

Несмотря на авторитет волостного суда, часть его решений не выполнялась ответчиками. Причины были самые разные. О них, в частности, мы узнаем из перечня «не приведенных в исполнение решений» Карагайского волостного суда на март 1914 г. Вот некоторые из них: «не исполнено за отлучкой ответчика» (7 случаев), «произведена опись имущества, но продать ничего не оказалось» (2 дела), взыскана часть долга, остальная часть рассрочена добровольно истцом (3 дела), в связи с обжалованием решения в вышестоящий суд³³.

Волостное правление. Во второй половине XIX – начале XX в. волостное правление у сибирских татар являлось административно-судебным и распорядительным органом самоуправления. Одновременно волостным правлением называлось и помещение, в котором размещались должностные лица волости, а также хранились документы и деньги. В волостных правлениях происходили заседания волостного суда и должностных лиц волости, а также сходы общинников. Помещение, где происходили волостные сходы, использовалось также для заключения лиц, отбывавших наказание³⁴.

Волостное правление являлось центром волости, располагаясь обычно в самом крупном по численности населения селе. По количеству волостей в округе определялось количество волостных правлений. Так, во второй половине XIX – начале XX в. в Тобольском округе насчитывалось 10 татарских волостей, в Тарском округе – 5, в Тюменском – 5, в Ялуторовском – 2. В Тобольском округе волостные правления находились в юртах Вагайских (Вагайская волость), Истяцких (Истяцкая волость), Карагайских (Карагайская волость), Тукузских (Тукузская

волость)³⁵. В самом Тобольске находились волостные правления Тобольской Городовой, Бухарской волостей и волости Оброчных Чувальщиков.

Волостное правление состояло из выборных должностных лиц: старшины, кандидата старшины, заседателей, судей, сельских старост, кандидатов сельских старост. Например, в 1917 г. Вагайское волостное правление состояло из 18 членов, Истяцкое – из 19, Карагайское – из 22, Тукузское – из 23³⁶. Существовало правило, согласно которому волостной старшина, заседатель и писарь должны были проживать в селении, где располагается волостное правление.

На содержание волостного правления из мирских сборов выделялись определенные волостным сходом суммы. Например, в 1909 г. на содержание Бухарского волостного правления Тобольского уезда было выделено 648 руб.³⁷ В 1916 г. на содержание Вагайского волостного правления было выделено 429 руб. 25 коп., Истяцкого – 452 руб. 60 коп., Карагайского – 550 руб. 20 коп., Тукузского – 385 руб. 35 коп.³⁸

По закону собрания волостного правления проходили по воскресеньям, а в случае необходимости и в другие дни. Решению волостного правления подлежали следующие дела: производство денежных расходов из волостных сумм, утвержденных волостным сходом; продажа имущества общинников по взысканиям казны; определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму.

В волостном правлении велись и хранились документы, касавшиеся волости: книга приказов, в которую вписывались приказания, объявленные старшиной правлению или отдельным должностным лицам, решения, принятые правлением, книги приговоров волостного схода, решений волостного суда, сделок и договоров общинников и др. Так, в 1909 г. в Бухарской волости Тобольского уезда в волостном правлении велось 30 книг, в Карагай-

ской – 21, Истяцкой – 32, Тукузской – 44 книги³⁹. В 1913 г. в Надцинском волостном правлении того же уезда велось 37 книг, здесь было выдано 86 паспортов и билетов, засвидетельствовано 80 сделок и обязательств, выдано 140 квитанций в получении денег, всего зарегистрировано 665 исходящих бумаг и 620 входящих⁴⁰.

Волостное правление должно было иметь свою печать, которая хранилась у волостного старшины. Изготовление печати относилось на счет мирских сумм. В волостных правлениях имелись различные инструкции, руководства, сборники законоположений, которыми должны были руководствоваться должностные лица. В Уватском правлении в начале XX в. находилось 20 таких книг. Среди них можно назвать «Свод уставов о повинностях» 1899 г., «Временное положение о крестьянских начальниках» 1898 г., «Положения о видах на жительство» 1895 г., «Инструкция о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельского общества» 1900 г., «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г., «Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей» 1904 г. и др.⁴¹

На примере Надцинского инородного управления Тобольского уезда можно представить, как выглядело помещение изнутри. В правлении стояли 3 стола, 7 стульев, два шкафа для хранения книг и дел и канцелярских принадлежностей, ящик-«баул» для хранения сумм управления с внутренним и висячим замками, ящик для хранения гербовых знаков и паспортных бланков с одним внутренним замком. В комнате находились две печи с трубами – круглая и продолговатая, на стене висел портрет императора Николая II. В описи значились также разные канцелярские предметы, а также должностные знаки волостного головы и кандидатов головы, 4 металлические печати. Кроме того, в правлении числилась разная утварь и посуда – топоры, лопаты, кадка, самовар,

чайники, чашки, ведра, бочка, таз и др. Любопытно то, что в описи имущества правления числился пятизарядный револьвер и кобура к нему⁴².

К ведению волостных сходов относились выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда. К **должностным лицам волостного самоуправления** относились: волостной старшина, кандидат (помощник) старшины, заседатели, заменявшие сельских старост в волостном правлении, волостные судьи. Все должностные лица, кроме судей, избиравшихся на один год, избирались сроком на три года. Ко всем должностным лицам волости, а также волостным писарям, по закону предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 25 лет, преимущественно из домохозяев, не состоящие под судом и следствием, не подвергавшиеся телесному наказанию по суду⁴³.

Вступая в должность, избранные должностные лица волостного правления – старшины, судьи, заседатели – давали присягу на верность службе. Согласно закону, присяга или «клятвенное обещание» у сибирских татар-мусульман принималась на Коране в присутствии муллы. Это правило было введено вышестоящими властями еще в начале XVIII в. и сохранилось вплоть до 1917 г. Текст клятвы был единым для русских и татар, один экземпляр «клятвенного обещания» находился у муллы, другой – хранился в волостном правлении⁴⁴. Введение присяги для должностных лиц общины лишней раз подтверждало, что центральная власть рассматривала их как своих агентов на местах, низших администраторов⁴⁵.

Избранные обществом на должности не имели права отказываться от исполнения своих обязанностей. Исключения составляли следующие случаи: если должностному лицу было более 60 лет, если он уже прослужил по выбору полный срок и в случае тяжелой болезни⁴⁶. Однако должностные лица обращались к вышестоящему начальству об освобождении от зани-

маемых должностей и по другим поводам. Заявления должностных лиц об увольнении сначала рассматривались крестьянским начальником, а затем на волостных сходах. Например, в декабре 1909 г. крестьянскому начальнику 2-го участка Тобольского уезда с прошением об увольнении от должности обратился кандидат Бухарского волостного головы Халит Сейнитдинов, мотивируя это тем, что он «очень бедный и имел от роду всего 23 года». Однако крестьянский начальник, изучив семейное и имущественное положение просителя из метрической выписи, выданной муллой мечети Вали Капшановым, и из сведений, полученных от волостного головы Хабибуллина, не согласился с просителем. Состав имущества не позволял считать просителя бедным. Он имел: дом, завозню, пригоны, двух лошадей, одну корову, одного теленка, одну овцу, одну телку, две дровни. Семья Сейнитдинова насчитывала 7 человек: он сам, его жена (20 лет), двое детей, мать (55 лет), сестра (12 лет) и брат (16 лет)⁴⁷.

В другом деле волостной сход волости Оброчных Чувальщиков в декабре 1909 г. рассматривал заявление двух волостных кандидатов Мухамедьяра Мухамет Казыева и Мухаметситдика Салиманова о досрочном освобождении их от занимаемой должности, как они указали, «по семейным обстоятельствам». Сход единогласно постановил освободить просителей от занимаемой ими должности, а на их место избрали Ильяса Маметалиева и Ихсана Уразмухаметова, «поведения хорошего, под судом и следствием не состояли, имеют скотоводство и домообзаводство и возложенную на них службу могут нести без разорения»⁴⁸.

Исполнение обязанностей должностных лиц волостного и сельского управления являлось натуральной повинностью, поэтому на время службы они освобождались от других повинностей. Кроме того, в некоторых волостях старшины и судьи получали

жалованье, размер которого устанавливался волостным сходом.

Согласно Уложению о наказаниях, лица, занимающие выборные должности, не подвергались телесным наказаниям⁴⁹. Как мера поощрения для должностных лиц волостного и сельского управления, занимавших должности «беспорочно» в течение трех лет, устанавливалось право быть присяжными заседателями⁵⁰.

Волостной старшина занимал главное место в иерархии волостного и сельского самоуправления. В его ведении находились не только должностные лица волостного и сельского управления, но и все крестьянское население волости. Власти, выделяя волостного старшину из среды общинников, наделяли его следующими качествами: «своим поведением обязан служить примером для всех крестьян своей волости, ...заслужить их уважение, поступать с ними справедливо, вести себя честно и безукоризненно, терпеливо выслушивать всегда просьбы крестьян, советовать по всем их делам, вникать в положение крестьян и стараться... об улучшении этого положения..., он не должен позволять себе напиваться допьяна, употреблять непристойные бранные слова, участвовать в каких-либо буйствах и драках и т.п.»⁵¹.

Утверждение в должности и отстранение от должности волостных старшин, а также их помощников (кандидатов), в случае «неисправного отправления ими обязанностей или замеченных с их стороны злоупотреблений», и предание их суду предоставлялись губернатору⁵².

Во время службы волостные старшины должны были носить на шее особый знак, изготовленный из светлой бронзы, на лицевой стороне которого был изображен герб губернии с надписью вокруг – «волостной старшина», а на обратной стороне вензельное изображение имени Его Величества с надписью вокруг – «19 февраля 1861 г.»⁵³.

Здесь следует отметить, что татары видели в ношении такого знака оскорбление их религиозных чувств, «в виду изображения на одной стороне знака креста». Об этом писал в 1900 г. поверенный от Вагайской волости Тухтабай Курманов. Он обратился к Тобольскому губернатору с прошением, чтобы крестьянские начальники не обязывали старшин носить должностные знаки. Определением Тобольского губернского управления по крестьянским делам от 25 июля 1900 г. было отменено распоряжение крестьянского начальника о ношении волостными головами из татар должностных знаков на груди⁵⁴. Аналогичная просьба исходила и от поверенного Карагайской волости⁵⁵.

В случае сложения своих полномочий волостной старшина передавал должностной знак вместе с документами и волостными суммами своему преемнику. Процедура передачи волостного имущества вновь избранному старшине происходила в присутствии членов волостного правления, а иногда и понятых путем оформления протокола или передаточного акта. Все присутствовавшие лица ставили свои подписи в протоколе, а должностные лица прилагали свои печати. Например, в феврале 1914 г. такой передаточный акт был составлен в Надцинской волости. В нем было записано: «Мы, нижеподписавшиеся волостные старшины... бывший Аптул Суючев и вновь наступающий на трехлетие с 1914 по 1917 гг. Аптул-Алим Колыбаев, в присутствии волостного заседателя Аширова производили сдачу и прием денежных сумм, документов и имущество волостного правления. При чем Колыбаев, вновь избранный старшина, принял от Суючева наличными деньгами 279 руб. 3/4 коп., документами (книжки сберегательной кассы) 217 руб. 61 коп. и паспортных бланков 35 шт... Затем принял все имущество, ...принадлежащего волостному правлению, кроме 2 штемпелей, 1 ковша, 1 стула и 1 пепельницы, пришедших

в полную ветхость и потому подлежащих из описи исключению, а всего принял имущества на сумму 109 руб. 60 коп, а также принял должностной знак и печать. Все означенное выше сдал в наличность я Аптул Суючев, а я Аптул-Алим Колыбаев принял полностью...»⁵⁶.

Волостные старшины были наделены широкими полномочиями. Прежде всего они отвечали за отправленные общинниками повинностей, как денежных, так и натуральных. На него возлагалась обязанность продажи движимого имущества для пополнения окладных платежей и вообще по долговым обязательствам общинников. О дне и месте продажи имущества в волостном правлении, по крайней мере, за неделю до торга, вывешивалось объявление, и в тот же срок жители всех ближайших селений оповещались об этом через сельских старост. До проведения торгов волостной старшина должен был произвести опись и оценку имущества. Оценку обычно проводили специально выбранные для этого случая оценщики из числа однообщественников. В случае временного затруднения отдельных домохозяев, при невозможности ими внести окладные платежи, волостной старшина был обязан обращаться к вышестоящему начальству об отсрочке исполнения или других льготах этим домохозяевам⁵⁷.

Волостной старшина отвечал за созыв волостных сходов и председательствовал на них. В некоторых случаях председательствовал и на сельских сходах, например, когда заслушивался отчет опекунов над личностью и имуществом сирот. Волостные старшины были наделены судебными полномочиями. Эта функция была характерна для них и в более ранний период⁵⁸. По закону старшины ведали гражданскими и «маловажными» уголовными делами, по правонарушениям, совершенным лицами, им подведомственными. Они могли наложить на виновных такие наказания, как об-

щественные работы до двух дней, денежные взыскания до одного рубля в пользу общественных сумм, арест на срок не более двух суток⁵⁹. Старшина устанавливал наказание в отношении общинников за «упорный неплатеж» податей и повинностей, за неявку на волостной сход или самовольный уход со сходки, за нарушение тишины и спокойствия в ночное время на улицах, оказание неповиновения властям и т.д.⁶⁰

Волостные старшины следили за тем, чтобы все должностные лица общины добросовестно исполняли свои обязанности. Они могли подвергать наказанию сельских старост, сборщиков податей в случае неисполнения ими своих обязанностей. Например, волостной голова Бикбулатов «за неуспешное собрание податей, за неисполнение приказаний членов Инородного управления, и за неявку в управление» подверг аресту на двое суток сборщика податей Саусканского сельского общества, юрт Комаровских Салима Мухамета Муратова⁶¹.

Важной обязанностью волостных старшин было наблюдение за тем, чтобы общинники строго соблюдали порядок увольнения и перечисления из одного общества в другое. Не менее чем за один месяц до выдачи увольнительного свидетельства волостной старшина опрашивал на сельском сходе общинников, нет ли у них каких-либо претензий к увольняемому из общества. Также волостной старшина утверждал приговоры сельских сходов о принятии новых членов. На него возлагалась ответственность при пожарах, наводнениях, падеже скота и других бедствиях. Ему предоставлялось право отдавать распоряжения о принятии мер для устранения этих бедствий⁶².

Как уже отмечалось, власти рассматривали волостных старшин как своих агентов на местах, поэтому в случае преступления в отношении этих лиц при исполнении ими служебных обязанностей предусматривались

довольно строгие наказания. Так, за оскорбление волостного старшины насильственными действиями виновный подвергался заключению в тюрьму на срок от 2 до 8 месяцев, а за оскорбление словами – аресту от 7 суток до 3 месяцев. При этом наказание устанавливалось более строгое, если оскорбление исходило от лиц, подведомственных старшине⁶³.

Деятельность выборных татарской общины и волостных судов находилась под контролем крестьянских начальников. Ежегодно члены съезда крестьянских начальников иногда совместно с Губернским управлением по крестьянским делам производили ревизию волостных правлений. В случае уличения выборных в проступках и преступлениях крестьянские начальники могли налагать на них административные взыскания, привлекать к уголовному наказанию. За все должностные преступления и проступки лица волостного и сельского управления могли подвергаться замечаниям, выговорам, денежным взысканиям или аресту не более чем на семь дней. За тяжкие правонарушения их могли отстранить от должности. Например, в 1910 г. за присвоение и растрату общественных денег, подлоги по должности были уволены и преданы суду волостной голова волости Оброчных Чувальщиков Юнусов и волостной писарь Агачинский⁶⁴.

В заключение еще раз подчеркнем, что во второй половине XIX – начале XX в. волостное управление сибирских татар было уравнено с таковым у русских крестьян. В систему волостного самоуправления входили волостной сход, волостное правление и должностные лица – волостные старшины, кандидаты (помощники) старшины, заседатели, а также волостные писари. Волостной сход продолжает сохранять распорядительную функцию в общине. Однако участие на сходе лишь выборных и принятие решений простым большинством голосов приводило к ограничению общинной демократии. Волостные правления получали организационное оформление и становились постоянно действующими органами самоуправления общины. В то же время они рассматривались властями как низшее звено управления. Несмотря на то, что волостные старшины имели широкие полномочия в общине, над ними устанавливался двойной контроль – со стороны вышестоящей администрации и со стороны схода. Не только волостные старшины, но и все должностные лица, входившие в состав волостных правлений, рассматривались администрацией как агенты на местах. В целом в указанный период времени наблюдались бюрократизация и формализация деятельности волостного управления и усиление контроля со стороны административных органов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). – Тюмень – М., 2003. – С. 74–76.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58.

³ Ф. 346. Оп. 1. Д. 40. Л. 13–18.

⁴ Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 79.

⁵ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58об. – 59.

⁶ Там же. Л. 71–71об.

⁷ Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX века. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1991. – С. 55–56.

⁸ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 71–72.

⁹ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 67 – 67об.

¹⁰ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 68об. – 69 об.

- ¹¹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 191. Л. 50–53 об.
- ¹² Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 58об.
- ¹³ Ф. 346. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Д. 8. Л. 25 – 3.
- ¹⁵ Ф. 282. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об. – 19 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 15 – 15 об.
- ¹⁷ Ф. 282. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.
- ¹⁸ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – Спб., 1904. – С. 78.
- ¹⁹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
- ²⁰ Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.
- ²¹ Ф. 332. Оп. 1. Д. 19. Л. 128–128 -об .
- ²² Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения. Т. 9. Ч.1. Спб., 1893. – С. 246–247.
- ²³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – Пг., 1916. – С. 401, 404, 405.
- ²⁴ Сборник узаконений , определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 90.
- ²⁵ Там же. – С. 90.
- ²⁶ Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских (свод законов. Т. X. Ч. 2). Издание 4. СПб., 1873. – С. 258 – 259.
- ²⁷ Там же. С. 92–94.
- ²⁸ Там же. С. 448.
- ²⁹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 об. – 43.
- ³⁰ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 127об.
- ³¹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
- ³² Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 42об. – 49.
- ³³ Ф. 346. Оп. 1. Д. 67. Л. 41.
- ³⁴ О мере пресечения при дознании и порядке содержания арестантов при волостных правлениях и полиции и пересылке их. Пособие для чинов полиции, волостных и сельских начальников в Сибири. – Тобольск, 1893. – С. 6 – 7.
- ³⁵ Ф. 346. Оп. 1. Д. 10. Л. 71, 76, 77.
- ³⁶ Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 15–16, 20 – 21, 27.
- ³⁷ Ф. 346. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ³⁸ Ф. 346. Оп. 1. Д. 10. Л. 6 об. – 7.
- ³⁹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ⁴⁰ Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 8, 17.
- ⁴¹ Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 11 – 11об.
- ⁴² Ф. 348. Оп.1. Д. 12. Л. 13 – 14.
- ⁴³ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19.Л. 61 – 61 об.
- ⁴⁴ Ф. 346. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 об.
- ⁴⁵ Мищенко Н.А. Указ. соч. – С. 83 – 84.
- ⁴⁶ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 1.
- ⁴⁷ Ф. 346. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–6.
- ⁴⁸ Ф. 346. Оп. 1. Д. 17. Л. 3 – 3об.
- ⁴⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – С. 67.
- ⁵⁰ Ф. 346. Оп. 1. Д. 29. Л. 352.
- ⁵¹ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72–72 об.
- ⁵² Ф. 332. Оп. 2. Д.1. Л. 4 об.
- ⁵³ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 43; Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 113.
- ⁵⁴ Ф. 335. Оп. 1. Д. 335. Л. 6 – 7 об.
- ⁵⁵ Ф. 335. Оп. 1. Д. 115. Л. 16.

⁵⁶ Ф. 348. Оп. 1. Д. 11. Л. 27 – 27 об.

⁵⁷ Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 24 – 28.

⁵⁸ *Бакиева Г.Т.* Указ. соч. – С. 68.

⁵⁹ Ф. 332. Оп. 2. Д. 19. Л. 72 – 77 об.

⁶⁰ Ф. 282. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 5, 18 – 18об.; Ф. 346. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

⁶¹ Ф. 282. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.

⁶² Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. – С. 12, 17 – 21.

⁶³ Там же. С. 43.

⁶⁴ Ф. 346. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 – 2 об., 12.

Аннотация

В статье рассматриваются основные элементы волостного управления и суда у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных материалов проанализированы деятельность волостного схода, правления, суда, а также права и обязанности волостных должностных лиц. Сделан вывод о том, что в указанный период волостное управление у сибирских татар было уравнено с таковым у русских крестьян, волостные правления получили организационное оформление и стали постоянно действующими органами самоуправления общины. В то же время они рассматривались властями как низшее звено управления. В целом же наблюдались бюрократизация и формализация деятельности волостного управления и суда и усиление контроля со стороны административных органов.

Ключевые слова: сибирские татары, волостное управление, сход, суд, правление, старшины.

Summary

The basic elements of volost management and court of the Siberian Tatars in second half of the XIXth – the beginning of XXth century are considered in the article. On the basis of archival materials activity of a volost descent, board, court, and also the rights and duties of volost officials are analysed. The following conclusion was made: during the period volost management of the Siberian Tatars was equal to the management of the Russian peasants, volost boards received organizational registration and became constantly operating self-government institutions of the community. At the same time they were considered by the authorities as the lowest control link. As a whole formalisation of the activity of the volost management and court, and control strengthening from the direction of administrative bodies were observed.